

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЗУРБАГАНА

Вечером принесли телеграмму: «Руслан умер...» Я долго и тупо разглядывал текст и никак не мог понять, почему два этих слова стоят рядом. Всего лишь месяц назад он появился у меня в час ночи — немного уставший, чем-то взбудораженный, но радостный от того, что снова в Челнах. Он завернул на КамАЗ из своего родного Чистополя, куда привёз к родственникам на лето сына Юру. До четырёх мы просидели на кухне, спать не хотелось, а когда кончилось курево, Руслан сказал:

- Грех в такое утро дома сидеть, пойдём по городу, наших разбудим.
- Ты же устал.
- Всё равно не усну...

В 1971 году Руслан был среди тех, кто пришёл на первое занятие камазовского лит-объединения «Орфей». Ребята собрались вечером, отработав смену на стройке. Почти на всех были резиновые сапоги и ватники, причём на каждом ватнике несмываемой краской или извёсткой было написано название только что покинутого родного города. И эти атрибуты были не модным поветрием, а необходимостью — сапоги помогали форсировать непролазную строительную грязь, а по надписям земляки узнавали друг друга. В те годы такие узнавания были радостными, шумными. Они часто перерастали в дружбу.

«Отцом» литобъединения, то бишь его первым руководителем, провозгласил себя Валера Суров, впоследствии ленинградский писатель, нынче, к сожалению, тоже покойный, а в то время начинающий прозаик, успевший к своим двадцати пяти годам поработать слесарем на заводе, проходчиком в забое, корреспондентом в газете. На КамАЗе он работал монтажником. С Русланом они были ровесниками. Когда все перезнакомились и сборище более или менее угомонилось, Валера ошарашил молодые дарования вопросом:

— Выкладывайте, кто зачем сюда пожаловал: кто хочет сразу печататься, а кто хочет учиться писать.

Дураков не нашлось, и все решили сначала поучиться. И только Руслан молчал.

- Ну, а ты зачем пришёл? — спросил его Валера.
- Да вот, думал земляков встречу.
- А откуда ты?

Руслан повернулся к благородному собранию спиной. На ватнике его красовалась надпись «Зурбаган».

— Это где же такой город, — выдал кто-то нечаянно свою литературную неосведомлённость.

Руслан презрительно посмотрел в его сторону и разочарованно вздохнул:

- Грина надо читать.

Более проницательные и начитанные (особенно девушки) отреагировали по-другому:

- Руслан, миленький, да мы тут все твои земляки!
- Сомневаюсь...
- Грина любишь? Ты что — мечтатель? — вклинился в разговор Суров.

– Да, – продолжал иронизировать Руслан. – У нас с Грином было трудное детство. Нам ничего больше не остаётся – только мечтать.

– А что пишешь – стихи или прозу?

– Верлибры. Справка для неграмотных: верлибры – это безразмерные стихи. Я недавно в «Литературке» вычитал: «Зачем стихам размер? Ведь это же не ботинки» ...Если хотите, я вас немного поэпатую.

Руслан говорил, слегка заикаясь. Заинтриговав всех и выдержав паузу, он прочёл:

*Белая лошадь под розовым зонтиком
чёрную воду старательно пьёт...*

– А дальше?

– Всё.

– Негусто, – сказал Валера, – хотя и занимательно. Только непонятно, почему ты считаешь эти стихи безразмерными. Это же дактиль! Прочти ещё что-нибудь.

– Пожалуйста:

*Сегодня думал я о смерти,
бродил по лужам,
щурился на солнце.
Сегодня встретил я двадцать девять
беременных женщин.*

И решил, что не страшно умереть.

Кто-то засмеялся. А Суров впервые посмотрел на Руслана серьёзно и оценивающе. И уже без иронии сказал:

– Вот это – настоящее. А про лошадь фокусы.

...Господи, как давно и как недавно всё это было! Мы вспоминали по пути «орфеевские» были и легенды, когда действительно двинулись к Пашке Юлаеву и Инке Лимоновой, заранее зная, что они не обидятся за столь ранние визиты, а, напротив, обрадуются, увидев Руслана. Так и было... Мы шли по едва начинавшему просыпаться, но уже нагретому ранним летним солнцем городу, в котором провели молодые свои годы, в котором я остался, потому что здесь моя родина, а он шесть лет назад переехал в Москву, потому что из «орфеевских» пелёнок давно вырос. Руслану хотелось, как он однажды сказал, чтобы профессиональная писательская среда проверила на зуб – крепкий ли он орешек.

В столицу он приехал поздней осенью с пустыми карманами и с сумкой через плечо, сшитой им самим из мешковины. В сумке лежали рукописи рассказов, которые Руслан начал писать в последние камазовские годы, и тех самых верлибров. Некоторые стихи я помню наизусть и, наверное, буду помнить всегда. Как они запали в душу, так там и остались:

*Внезапно разлюблю,
разбившись о воспоминания,
и буду долго смотреть
в холодное небо,
пока ты не растаешь в синеве
дальним облаком...*

Но оказалось, что времена Велимира Хлебникова давно прошли, и Москва уже давно даже поэтов принимает по одежке. Несколько месяцев Руслан провёл на грани отчаяния. Прописаться по лимиту и устроиться на работу оказалось не так-то просто. Нужна была куча справок, которых у Руслана, естественно, не было.

Впрочем, к тридцати годам такого рода трудности ему были не в новинку. Детство его прошло почти без отца. В предлагаемом рассказе о мальчике Мансуре речь идёт как раз об этом. Человека, говорят, формирует окружающая среда. Если бы Руслан смирился с этой житейской «мудростью», он бы легко мог оказаться на дорожке, печально известной

Р. Галимов и Н. Алешков. Начало 70-х годов

многим юным правонарушителям из так называемых трудных семей. Но мужество души человеческой заключается, может быть, в умении не поддаваться искушению неблагоприятных обстоятельств, в любых условиях оставаться способной к милосердию, состраданию, жертве, смелому поступку. Собственно говоря, вот об этом Руслан и писал. Чаще всего он исследовал собственный характер, его истоки.

Руслан сумел противостоять среде. Он воспитывался сам, по капле выдавливая из себя раба неблагоприятных обстоятельств. Конечно, при такой напряжённой работе души без потерь не обходится. И даже его близкие друзья не всегда понимали, что яростности его характера, непредсказуемости его поступков — от неутолённой жажды добра, от какого-то природного, инстинктивного желания немедленно восстановить справедливость. Руслан ненавидел любую фальшь в человеческих отношениях и чуял её за версту. В людях он ошибался редко, а молчать не умел...

Мир, говорят, всё-таки не без добрых людей. Интерес к литературе у подростка Руслана сумел пробудить казавшийся странным в провинциальном Чистополе, интеллигент по фамилии Мезандронцев, «сиделец» сталинских времён, бог весть откуда взявшийся там. К таким необычным личностям Руслана всегда и тянуло. Была у него и бабушка — неграмотная, но мудрая татарка, которую потом в своих рассказах о детстве он ласково назовёт «абейкой». Она передала внуку великую науку бескорыстия.

Вот и в Москве, в какую-то свою нелёгкую минуту Руслан раскопал в записной книжке телефон поэта Арво Метса, сотрудника журнала «Новый мир», с которым встречался ещё в Набережных Челнах, и позвонил ему. И произошло то, что бывает не так уж часто — душа откликнулась душе. Руслана услышали, поняли и поспешили помочь. Арво Антонович сделал всё, что мог: приютил Руслана на некоторое время в своей квартире, помог устроиться на работу проходчиком «Метростроя» и опубликовать в камазовской подборке «Нового мира» несколько верлибров.

Вскоре трое из нас, оставшихся в Набережных Челнах, поступили на заочное отделение Литинститута, и каждый раз, приезжая на сессию, мы вновь встречались с Русланом, радуясь тому, что его судьба на глазах меняется к лучшему. У него появилась семья, а также своя комната, в которой никто не мешал стучать на старенькой пишущей машинке. Руслан начал заниматься в литературной студии при Союзе писателей СССР. Там разглядели в бывшем «орфеевце» дар прозаика, направив его в реалистическое и самобытное русло.

Кстати, о самобытности. Руслан показал мне однажды внутреннюю издательскую рецензию, в которой его рассказы определялись как «постшукшинские» или «поствампилловские». Если говорить о традиции, то, может быть, это и верно, ибо, как известно, на голом месте ничего не растёт. Без творческого принципа «Нравственность есть Правда», пострадавшего Василием Макаровичем Шукшиным, Руслану вообще представлялось немислимым братьяся за перо. Он чувствовал это всей кожей. Он нёс людям правду о своём времени, о той среде, в которой жил, работал, мучился и любил.

Он был абсолютно глух к конъюнктуре. Как-то, в то давнее советское время, я показал несколько его рассказов знакомому прозаику. Тот прочёл и, отметив талантливость рассказов,

сказал, что больше всего завидует наивности их автора. Он, дескать, пишет, словно не зная, что всё это невозможно опубликовать.

А ведь верно. Руслан искренне удивлялся, когда ему возвращали из редакций такие вещи, как, например, публикуемый здесь рассказ. Что, в самом деле, в нём запретного? Безоглядная искренность, глубина переживаний, неожиданность и неоднозначность ситуаций? Так ведь это и есть настоящая литература. И хорошо, что она наконец-то пробилась сквозь все идеологические «нельзя!», «не пущать!». Только горько, что не все настоящие писатели, в том числе и молодые, дожили до наших дней, когда всё можно. Правда, я не сомневаюсь в другом: Руслан Галимов из тех же нравственных соображений не принял бы сегодняшний беспредел, кем-то названный свободой слова.

Конечно, была какая-то литературная школа, в которой брал уроки Руслан Галимов. Но вряд ли тут следует ограничиваться одним-двумя именами. Обладая богатой интуицией, он безошибочно находил близкое себе у классиков и у современных писателей, соотносил, сравнивал это с тем, что пытался сделать сам. В последние годы его тянуло, например, к творчеству одного из красивейших людей русских, к творчеству Чехова. Не будем забывать и о сохранённой с детства любви к Александру Грину. Кто знает, может быть, именно из такого странного, на первый взгляд, сплава мечты и суровой реальности выходили персонажи рассказов Руслана, главным из которых был он сам. От многих своих ровесников он отличался как раз «лица не общим выраженьем», что заметили такие известные мастера, как Юрий Нагибин и Юрий Трифонов. Рассказы и стихи Галимова появились в еженедельнике «Литературная Россия», журнале «Сельская молодёжь», альманахе «Парус», журнале «Литературная учёба» и других центральных изданиях.

«Главное для меня, — не раз говорил Руслан, — найти интонацию. Есть интонация — есть писатель». Сейчас, когда я перечитываю его рассказы и стихи, мне кажется, что от найденных им интонаций проистекает свет, печаль и нежность самого Руслана. Язык его рассказов скуп, прост и точен, а богатство интонаций, как некий музыкальный фон, создаёт объёмность и многомерность его коротким и незамысловатым сюжетам. Я читаю и думаю, вспоминая надпись «Зурбаган» на камазовском ватнике Руслана, что нелегко было оказаться его другом, но ещё труднее стать его литературным земляком.

На седьмом Всесоюзном совещании молодых писателей, проходившем то ли в 1976, то ли в 1977 году, рукопись рассказов Руслана Галимова была рекомендована издательству «Молодая гвардия». Под названием «Сказочник» эта рукопись вошла в книгу трёх молодых авторов и была удостоена диплома ЦК ВЛКСМ. Как нужна была эта поддержка Руслану, как бы она помогла ему, редко встречавшему в жизни не только признание, но и понимание. Но увя... До выхода этой книжки он не дожил несколько недель.

Та нелепая телеграмма оказалась верной. Руслан Галимов умер 11 августа 1982 года от лейкоза — острого заболевания крови. Болезнь скрутила его за неделю. Знал ли он о её существовании раньше — остаётся только предполагать. Похоже, догадывался, хотя и никому не говорил об этом. Руслан по ночам, недосыпая, пока не лёг в больницу, продолжал работу над рукописью второй книги. Наверное, он торопился.

В последние годы он тянулся к своим близким и друзьям с какой-то особенной нежностью, словно спешил отдать каждому что-то хорошее, за что-то отблагодарить. Его жена Лида вспоминает: «Было часов шесть вечера, когда он вернулся из Набережных Челнов, уставший и измотанный. Тут отдохнуть бы, расслабиться. Но вдруг Руслан вспомнил, что именно сегодня обещал приехать к одному из своих друзей в Обнинск. Тот прислал тревожное письмо, плохо было человеку».

И Руслан вновь заторопился в дорогу. Он, как никто из нас был лёгок на подъём, особенно если надо ехать туда, где нужна его помощь...

Николай АЛЕШКОВ